

Любители расставлять авторов по полкам не раз попадали в затруднение, встречаясь с творчеством Микола Бажана. Они никак не могли решить, кто же он: поэт мысли или чувства, эпик или лирик, романтик или реалист? В 1926 году книгой «17 патруль» начался длинный и плодотворный путь одного из старейших поэтов Украины. И теперь, когда за плечами Бажана сорокалетний путь поэтического труда, перед глазами вдумчивого критика раскрывается панорама его неустанной деятельности, его неутомимых исканий, временных поражений и бесспорных побед. Таким критиком выступил Е. Адельгейм, написавший книгу о поэте. Это сделано с большим вкусом и с чувством подлинного историзма. Надо признаться, что, читая некоторые прежние работы о Бажане, находишь в них столько случайных и произвольных оценок, что порой становится неловко за их авторов.

Критики часто писали о книжных источниках поэзии Бажана, об условной и даже реакционной романтике его поэмы «Ночь Гофмана» (1928). Но Е. Адельгейм справедливо указывает, что молодой поэт, увлеченно изучавший сокровища мировой культуры и поэзии, вдохновлялся не только этими «вечными ценностями», но главным образом дыханием героических лет гражданской войны, бессмертными подвигами героев-арсенальцев. И не случайно начиная с первых стихов одной из основных задач Бажана стало проникновение во внутренний мир нового человека. Из

самого понимания этой темы вытекали и глубокая интеллектуальность поэта, и его переключка с историческим прошлым — во имя познания настоящего и будущего. Е. Адельгейм подчеркивает масштабность поэтического кругозора Бажана: «Он свободно путешествует среди разных эпох и народов, черпая там нужные ему изобразительные средства. Средневековая готика и стройки первой пятилетки, барокко и вихри гражданской войны, ночные призраки Гофмана и прозрачность горийского утра, Куликово поле и Сталинградская битва, Киев и Москва, Одесса и Кутаиси, Лондон и Борислав, скалы Дувра и Италия... Живя широкими историческими, культурными, географическими ассоциациями, поэт не отрывается от современной и национальной основы украинской советской поэзии, не идет за материалом, а подчиняет его своим острым политическим замыслам».

Прослеживая весь путь поэта и убедительно показывая его эволюцию, его подчас трудные и противоречивые искания, раскрывая художественные особенности его стиля, критик опровергает установившийся миф о якобы холодной рационалистичности Бажана.

Бажан — художник крупных эпических полотен, и не раз критики сомневались в глубине лирического чувства поэта, приписывая ему эпическое бесстрашие. Е. Адельгейм вносит существенный корректив. Рождение новых чувств нового человека дано Бажаном в эмоционально-лирических образах, насыщенных философской мыслью. Там, где эта мысль подавляла непосредственность поэтического восприятия, возникали черты

* Евгений Адельгейм, Микола Бажан, «Дніпро», Київ, 1965, 185 стр.

холодного раздумья, но это относится лишь к отдельным неудачам поэта.

Критик пересмотрел взаимоотношения между поэтом и такими направлениями, как панфутуризм и неоклассицизм. Но Е. Адельгейм не всюду достаточно убедительно устанавливает влияние этих направлений на поэта. Справедливость требует сказать, что в 20-е годы Бажан находился под влиянием украинских футуристов М. Семенко и Гео Шкурупия, хотя и не разделял крайностей их теории и практики. Что касается неоклассиков, о которых упоминает автор книги, то он рассматривает их несколько односторонне. В последнее время представление о неоклассицизме как школе «искусства для искусства» пересмотрено, особенно после опубликования посмертной статьи М. Рыльского о Миколе Зерове («Жовтень», 1965, № 1). Рыльский пишет: «В теоретических утверждениях «неоклассиков» было действительно много спорного, а то и неверного... Но апологетами «чистой красоты», «искусства для искусства» и подобных нелепостей «неоклассики» никак себя не считали и ничего подобного не провозглашали. Эстетической платформой, объединившей их, была любовь к слову, к строгой форме, к великому наследству мировой литературы. Украинский неоклассицизм был в большой степени проявлением борьбы против панфутуристов, деструкторов и других представителей того искусства, которое так неосновательно декларировало себя как «левое».

В творчестве так называемых неоклассиков — Рыльского, Зерова, Филипповича, Драй-Хмары — молодого Бажана привлекала их любовь к богатствам мировой культуры, она являлась и противовесом от анархического индивидуализма украинских

панфутуристов, «сжигавших» «Кобзаря» Шевченко и всех классиков.

По-видимому, настало время основательнее и глубже разобраться в литературном процессе Украины 20—30-х годов, тем более что многие забытые имена современников Бажана восстановлены и должны получить справедливую научную оценку.

Может быть, впервые с такой ясностью Е. Адельгеймом исследованы стилистические особенности поэзии Бажана, специфика его метафор и эпитетов, стихотворный строй и все то, что создает единство содержания и формы в богатых, полифонических и многоплановых стихах и поэмах украинского художника. Почти всегда Е. Адельгейму удается установить многообразные связи между временем и произведениями, этим временем порожденными. Лишь изредка можно упрекнуть критика за то, что он прямолинейно устанавливает эти связи. Так на стр. 42 автор книги пишет: «Активным фактором в формировании метода и стиля поэта был Первый съезд советских писателей (1934)... Настало время переходить от умозрительных абстракций «Трилогии страстей» к конкретному изображению действительности, от аллегорических картин рождения новых чувств к созданию живого образа человека...» Но ведь и до Первого съезда писателей у поэта было немало произведений (вспомним хотя бы сборник «Строения», 1929), далеких от аллегорий и абстракций. Кроме того, новый подъем в творчестве советских писателей был вызван не только созывом Первого съезда и выступлениями его участников, но всем бурным течением жизни страны.

Особый интерес представляет анализ написанного Бажаном в 50—60-е годы. Поэт сегодняшнего дня пока-

зан в работе над темами современности. Борьба двух миров во всей ее напряженности отразилась в сборниках Бажана «Английские впечатления» и «Итальянские встречи», обстоятельно разобранных в книге. Перед читателем предстает и круг «вечных спутников» поэта. Это

В. Маяковский, П. Тычина, Н. Тихонов, А. Довженко, С. Чиковани, Ю. Яновский, Василь Эллан...

В книге Е. Адельгейма сказано много нового и нужного для понимания творчества Миколы Бажана.

А. ДЕЙЧ

ТРАДИЦИИ НЕКРАСОВА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ*

До сих пор еще мало изучены связи советской поэзии с традициями русской классической литературы XIX века. Попытка понять творчество того или иного советского поэта в исторической перспективе развития национальной литературы нередко подменяется или сопоставлениями внешних фактов изучаемых явлений, или построениями абстрактных историко-литературных схем. Книга Н. Степанова является в этом отношении отрадным исключением. Автору удалось благодаря прекрасному знанию русской поэзии вообще и творчества Некрасова в частности, благодаря своей исследовательской наблюдательности и художественному чутью сказать убедительно и ясно новое слово в решении интересного, все еще недостаточно изученного вопроса о традициях Некрасова в советской поэзии.

Главное методологическое достоинство исследования Н. Степанова — в конкретно-диалектическом подходе к изучаемым литературным явлениям, которые рассматриваются в структурном единстве, в подчинении и сложных связях их элементов друг с другом, а не в плоскости эмпирического сосуществования и равнознач-

ности. Подлинные связи между произведениями разных исторических эпох в книге устанавливаются не по внешним совпадениям, по которым нельзя судить о существенном их родстве, а по внутреннему сходству. «Суть дела,— пишет автор,— не во внешнем, нередко поверхностном сходстве, а в тех путях, в том поэтическом методе, который развивает принципы, заложенные в поэзии Некрасова. Традиция Некрасова заключается именно в этом, дальнейшем развитии принципов народности, реализма и высокой идейности» (стр. 171).

Исходя из такого понимания художественной традиции, Н. Степанов устанавливает связь с традициями Некрасова творчества столь разных поэтов, как Блок, Хлебников, Есенин, Д. Бедный, Маяковский, Твардовский, Исаковский и др. Автором убедительно показаны важнейшие литературные заветы, оставленные Некрасовым, которые характеризуются революционным направлением, народностью, социальной конкретностью, демократизацией стиля поэзии. Книга рассказывает о великой историко-литературной и освободительной роли поэзии Некрасова, о действительно живой и самой близкой связи поэта с лучшими представителями советской поэзии. В этом не-

* Н. Л. Степанов, Некрасов и советская поэзия, «Наука», М. 1966, 240 стр.